

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 15

Борьба продолжается

(продолжение)

По дневникам Владимира Лакшина видно – в каком чудовищном состоянии находился Твардовский (пил, не останавливаясь) в конце 1968-го – начале 1969 года. Поэтому фраза, брошенная им Солженицыну о статье Дементьева: “Да я сам половину её написал”, – совершенно не соответствовала действительности, и Солженицын справедливо Твардовскому не поверил. В мемуарах “Бодался телёнок с дубом”, начатых во второй половине 60-х, будущий Нобелевский лауреат, соглашаясь со многим в статьях Чалмаева и Лобанова, не скупился на презрительные характеристики “молодогвардейцев” (что не помешает ему потом фактически продолжить “Просвещённое мещанство” Лобанова своей “Образованщиной”, повторяя многое, сказанное Михаилом Петровичем).

Впрочем, взаимоотношения “молодогвардейцев” и Солженицына – тема отдельная. В процессе исключения автора “Одного дня Ивана Денисовича” и “Матрёниного двора” из Союза писателей и объявления его очередным лауреатом Нобелевской премии некоторые из наших героев записывали в свои дневники крайне интересные соображения в связи с человеком, которого они ещё недавно готовы были числить своим союзником.

Из дневника Сергея Семанова:

“Посмотрел свои записи за прошлый год. Какая резкая эволюция: в январе я ещё, оказывается, сочувствовал Галанскову и Литвинову (арестованным диссидентам. – С. К.). Здесь надо признать, что Р. (под этим обозначением в дневнике фигурировал Пётр Палиевский. – С. К.) до сих пор шёл впереди меня на полшага. Вот хотя бы Солж[еницын], о кот[ором] я постоянно кричал, что он самый выдающийся рус[ский] писатель после 1910 г[ода], и ужасно злился, когда Р. мне умалял его ценность и упрекал в либерализме и позёрстве. А ведь верно. Сейчас по рукам ходит множество его бумажек, к[оторы]е он сам распространяет. Кажется, что он создал себе постамент из них и теперь стал там в добролюбовской позиции. И с евреями стал заигрывать. Я был потрясён, прочтя его произраильский пассаж в ответе студентам. А теперь в очередной своей бумажке о заседании секретариата СП он говорит об ужасных статьях 1949 года... А ведь был “Захар-Калита”. И ведь евреи очень кисло приняли “Ивана Денисовича”. Но теперь он их. И, видимо, насовсем”.

Из дневника Владимира Десятникова:

“**25 октября 1968 г.** ... Я всё думаю про себя о Леонове и Солженицыне – таких несхожих друг с другом и вовсе не “одинаких” в любви к России.

Продолжение. Начало в №1-7, 9 за 2019 год, 1-5, 7-12 за 2020 год, 1-3, 5 за 2021 год.

Всё-таки один больше смотрит на Запад и там ищет поддержки и защиты – в том числе от личных обид... – а другой давно (а может быть, изначально!) отворотился в другую сторону и смотрит в глубь России, ибо здесь альфа и омега всех чаяний и надежд. Словом, как ни крути, на поверку выходит – западники и славянофилы живы – либо к одному берегу прибывает, либо к другому: Курбский – Грозный, Чаадаев – Пушкин, Герцен – Достоевский, Солженицын – Леонов. В основе, я убеждён, – гены, наследственный фактор (не в крови дело!). В. И. Даль – датчанин по крови, но он с Пушкиным, с Достоевским. И Леонов в этой же обойме. А Курбский, хоть и русский, но с ними – на том берегу (даже католичество принял!). . .

28 ноября 1969 г. А. И. Солженицына с треском вышибли из Союза писателей – только что не арестовали (ещё успеется!). В связи с этим не могу не оценить умение держать нос по ветру В. И. Кочемасова, своевременно прикрывшего наш сборник “Памятники Отечества”. Только такие, как он, и могут быть подручными тех, кто стоит у руля. Случайных людей там в принципе не может быть, как нельзя жить без кислородной маски на Эльбрусе. При разреженном догмой воздухе нормальные люди быстро задыхаются и сходят вниз (как, например, П. Н. Решетов). Остаются одни верноподданные – плечом к плечу – в защитных масках и в тёплых стойлах. Эти условия для тех, кто у кормушки, неременны. Однако надежда на таких – хлипкая. Как учит история, верноподданные не раз уже предавали. В 1917 году – не в последний раз (пророческое замечание! – **С. К.**). Не хочу пророчествовать, но дело-то действительно пахнет “зачислением по химии”, как в “Отцах и детях” говорил о трупах естествоведник Базаров. Между тем Солженицын (математик по образованию, артиллерист по фронтовому опыту) точно рассчитал траекторию, и не просто до точки падения, а до взрыва “фугаса”, и действует в соответствии со своим расчётом. У нас исключили, зато там – это уж наверняка – “включили”, сделали ставку на него. О художественной стороне произведений Солженицына говорить не буду. Он бывший политзаключённый (ст. 58 УК РСФСР), ставший самым известным политписателем. То, что он пишет и как действует по жизни, – всё это по большому счёту в одном ключе – политическая борьба, в которой цель оправдывает средства. Речь идёт о миссии, которую взял на себя А. И. Солженицын, и, судя по всему, у него хватит характера и ума довести дело до логического конца. По своему генотипу он – революционер, но никак не смиренный эволюционист (что ни говори – южная кровь). Не хочу его обидеть, но он игрок по природе, со всеми вытекающими отсюда следствиями. И играет он, как по нотам. Словом, как в той веселой песенке: “Судьба играет человеком, а человек играет на трубе”. Весь вопрос в том, а вдруг эта труба – Иерихонская?

13 января 1970 г. Слова у партии не расходятся с делом. Не успели выдохнуть чернила на резолюции об исключении А. И. Солженицына из СП, как ни в одной библиотеке не выдают читателям его произведений. И в каталогах тот же порядок – всё повыбрасывали. Как говорится, один пишем, два в уме. Однако и Солженицын тоже не лыком шит. Разоблачая сталинизм, он вроде бы “качает” только права человека, а сам метит против экономических основ социалистического общества. Это расхождение Солженицына с партией – главное, потому как в человеке глубоко сидит хозяин, ибо хозяевами были его деды-прадеды. Покупали, продавали, производили товар – деньгами распоряжались без чужой подсказки и вдруг – не моё, а наше. Это очень сложная закавыка. В одно-три поколения инстинкт “не перекуёшь”. Обязательно проявит себя хозяин. Всё отняли, зато не отнимут интеллектуальную собственность. Вот Солженицын и владеет своим товаром – у него досье: по ГУЛагу, по Революции, по... Да мало ли чего накопал и, главное, успел за границу переправить. У него теперь зубастые адвокаты, бояться нечего. Он и не боится. Как ни поймашь зарубежную радиоволну, только о Солженицыне и разговор. Послушаешь, так не писатель, а пророк. И всё-таки лучше всех в мировой литературе XX века о строительстве Нового Вавилона Леонид Леонов поведал в одной из главок романа “Барсуки” – в “Легенде о Калафате”. “Барсуки” (начиная с 1924 года) уже вышли миллионными тиражами, и ещё напечатают, потому как партии нравится, что герой романа – коммунист и он побеждает. А то, что в “Калафате” промежду строк сказано, этого никто в ЦК всерьёз не принимает. А ведь может получиться так, что партия состарится, а “Легенда о Калафате” всегда молодо, пророчески будет звучать. У Солженицына как художника нет ни одной такой “легенды”. В его произведениях всё

живет и борется только вчера и сегодня – слишком много злобы дня. А будет ли это звучать хотя бы через полвека – Бог весть.

28 апреля 1970 г. Литературный критик Юрий Барабаш, громя Солженицына, договорился до того, что не причисляет “дух жертвенности к нашим национальным чертам”. Преподобный Сергей Радонежский, его постриженники Ослябя и Пересвет, Иван Сусанин – запамятовал, что ли, “румяный критик”? Бедняжка зарпортовался от усердия, желая выселиться перед ЦК. Я в этом усматриваю знак нравственного вырождения людей моего поколения, отошедших от вековых традиций народа, от Православия. Китайцы посылают на перевоспитание руководящих работников в низовые партийные организации, а наших надо было бы определить санитарями в дома для неходячих инвалидов войны, так называемых самоваров (без рук и без ног). Тогда, быть может, наглядней был бы смысл жертвенности как нашей национальной черты. Ты сам пожертвуй чем-нибудь, тогда можно понять и оценить жертву другого.

19 октября 1970 г. В канун праздника Великого Октября Компартии и Советскому Правительству долгожданный подарочек вышел. А. И. Солженицын стал лауреатом Нобелевской премии. На него они поставили, и он в нужное время выиграл. Как говорится, что и следовало доказать. По сообщению зарубежных радиоголосов, французский коммунистический еженедельник “Летр франсез” (главный редактор – друг Советского Союза Луи Арагон-Коган) не замедлил откликнуться статьёй-поздравлением: “Самому великому из ныне живущих писателей России”. Во как! Итак, Пастернак, Шолохов, Солженицын. Между тем в “судейскую коллегия” поступил протест. Дескать, Шолохову неправильно присудили премию, не он-де писал. А кто же тогда? Слава Богу, не за кордоном сработано. И так мне стало скучно от солженицынской премии, что в пору и запить. Игра предельно неинтересной стала. Сиди и жди, пока новый кукушонок вылупится. И обязательно всех вытолкнет из гнезда. Краплёное яичко на то и кладут в гнездо, чтобы родные мать-отец надорвались, чужого кормивши, а свои детки в перегонной пошли. Ясное дело, нечистая и нечистого работа. Прости, Господи. Можно написать тома о ГУЛаге, а можно всего восемь строк, построенных на противопоставлении нынешнего подлого и вечного:

*Лунною порой,
Омрачая мир,
Шёл понурый строй,
Рядом — конвоир.
А в душе в ночи
Снился чудный сон:
Вербы и грачи,
Колокольный звон.*

(Николай Рубцов)

И ещё не известно, что останется во времени”.

“Солженицынский” сюжет далее ещё получит своё продолжение, но здесь что любопытно: работа над книгой “Архипелаг ГУЛаг” для многих в это время не была никаким секретом. Более того, она не была секретом и для соответствующих “надзирающих органов”, которые спокойно и с интересом за всем этим наблюдали, играя в некую свою игру. Что это было именно так – мы увидим в дальнейшем.

...А летом 1969-го у “Молодой гвардии” не было иной сиюминутной задачи, как ответ на статью Дементьева, ибо после подобного многостраничного печатного доноса оставалось лишь ждать разгона редакции.

Члены редколлегии и заведующие отделами сели за коллективное письмо – обстоятельный ответ на все дементьевские поношения.

Этого ответа, увы, скорее всего, прочесть полностью в изначальном виде уже никому не удастся. Ибо от текста, коллективно сочинённого Михаилом Лобановым, Олегом Михайловым, Виктором Петелиным, Виктором Чалмаевым и их товарищами, по сути, не слишком много осталось в печатном варианте. В журнале “Огонёк”, куда было отправлено письмо, над ним поработали соответствующие руки. Анатолий Софронов со своими помощниками решил соорудить текст “поубойнее” и адресовать его “Новому миру” в целом. Имени Твардовского было решено не называть – впрочем, в “Огоньке” против всенародно

любимого поэта персонально никто ничего не имел (и в этом мы ещё убедимся). Но свести счёты (пользуясь предоставленной возможностью) с “Новым миром” там не отказались. Более того, в первоначальный текст, защищающий “Молодую гвардию” от Дементьева, вписали агрессивные реплики, касающиеся, в частности, прозы Николая Воронова и статей Игоря Виноградова – авторов, к которым у “молодогвардейцев” не было и не могло быть никаких претензий. А потом было решено: подписать готовое сочинение более “солидными” именами.

“Многие из составителей этого письма вряд ли подписались бы под опубликованным его текстом, – вспоминал много позднее Виктор Петелин, – одерживает верх в нём групповщина, а не Истина, к чему мы стремились и что подготовили”. По существу, Софронов с командой низвёл письмо “молодогвардейцев” к уровню дементьевского опуса, где ещё более агрессивно “одерживала верх групповщина”, а об Истине даже заикаться было грехом... “В критических статьях В. Лакшина, И. Виноградова, Ф. Светова, Ст. Рассадина, В. Кардина и других, опубликованных в “Новом мире”, планомерно и целеустремлённо культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеалам и завоеваниям”, – таким суконным языком не писал ни один из “молодогвардейских” критиков, это стиль “октябриста” Петра Строкова (одного из любимых авторов Софронова), которого, скорее всего, позвали для “редактуры”.

“Сейчас все говорят о статье в “Огоньке” против Дементьева, – записывал в дневник Сергей Семанов. – Либералы в ужасе и злобе. Я говорил уже “молодогвардейцам”, что это не человеческий язык, а собачий лай. Интересно, хоть когда-нибудь научатся они говорить интеллигентно, а не пролетарским матом? Я давно уже учу: зачем говорить “дурак” – это грубо и оскорбительно, можно сказать: “Вы не вполне компетентны в этом вопросе”, – смысл тот же, а всё благопристойно и нет повода тащить в участок (либеральный или черносотенный, всё равно) за оскорбление словом”.

Свой взгляд, сопряжённый с очевидным знанием тех или иных внутренних “ходов”, недоступных широкой публике, был у одного из членов “Русского клуба” и автора “Молодой гвардии” Александра Байгушева:

“Как бы ни был хитро задуман механизм “погрома”, – вспоминал он годы спустя, – статью А. Г. Дементьева интеллигенция на этот раз не проглотила покорно. В органы печати, в ЦК КПСС пошли многочисленные протестующие письма. О возмутительном поступке А. Г. Дементьева говорили во весь голос. Одному из таких писем-протестов – несмотря на неофициальный запрет – почти чудом удалось прорваться в печать. Ослушавшись указания сверху, редактор старого “Огонька” А. Софронов срочным набором – пока не запретили – напечатал упомянутое письмо “мужиковствующих”. Условие было только одно – имени Твардовского в “Письме” не упоминать...”

Если сказанное соответствует действительности – становится понятным и “процесс редакции”, и отсутствие под письмом подписей самих его действительных авторов – мозолью глаза в данном случае “властям предрержащим” фамилиями Чалмаева, Лобанова, Петелина Софронов не собирался. Помимо всего прочего, упомянув в письме “критические” статьи А. Синявского”, редакторы письма (как и сами действительные авторы) обошли Александра Солженицына, который уже стал *persona non grata* в советской литературе.

Ходили туманные слухи, что обращались к Абрамову, Белову и ещё некоторым писателям за подписями, которых писатели не дали. Правда это или нет – уже не имеет значения. Владимир Лакшин, кстати, оставил в своём дневнике свидетельство явного нежелания иных “новомирских” авторов становиться на чью-либо сторону, что чрезвычайно ему не понравилось: “Приехал Абрамов... В деле с акцией “Огонька” он ведёт себя уклончиво. Говорят, и Залыгин нетвёрд. Начинает объясняться: “Да, конечно, ст/атья/ Дементьева/ – уязвима”. Вот когда всё начинается проясняться...”

Факт остаётся фактом: под окончательным текстом “огоньковского” письма красовались имена Михаила Алексева, Сергея Викулова, Сергея Воронина, Виталия Закруткина, Анатолия Иванова, Сергея Малашкина, Александра Прокофьева, Петра Проскурина, Сергея Смирнова, Владимира Чивилихина и Николая Шундика. Потом этот документ фигурировал и в исторической и в мемуарной литературе как пресловутое “письмо одиннадцати”.

Софронов не мог придумать ничего более “обезоруживающего” письмо, чем эти подписи: из одиннадцати подписавших пятеро (почти половина)

подвергались фельетонной критике в “Новом мире”. И в “новомирском” ответе, вскоре опубликованном на страницах журнала, об этом было не без едкости заявлено.

Кстати сказать, на страницах самой “Молодой гвардии” имя Твардовского упоминалось в критическом отделе не иначе, как со всевозможным пиететом. И публикация дементьевской статьи была расценена, как самая настоящая подлость, идущая в том числе и от главного редактора. Я вспоминаю свой разговор с Михаилом Петровичем Лобановым уже через два десятка лет после свершившихся событий, — когда впервые в СССР была опубликована поэма Твардовского “По праву памяти”. На мои слова о том, что поэт своими стихами, посвящёнными отцу и матери, искупил свои прежние грехи (в первую очередь — грех отречения от семьи), последовала весьма резкая реакция. Насупившийся, хмурый Лобанов оборвал меня: “Ну и что?! Неужели Вы думаете, что он его действительно искупил?”

Впрочем, название письма “Против чего выступает “Новый мир”?” имело под собой реальный смысл, может быть, не вполне осознаваемый “огоньковскими” редакторами, его придумавшими. Дементьев в “Новом мире” был не один такой — ни в чём ему не уступал в этом отношении культурный и образованный Лакшин.

27 мая 1969 года он записывал в своём дневнике:

“Вечером был в Союзе на обсуждении статей О. Михайлова и В. Петелина. Силы прогресса представляли madame Жак, Бочаров, Штут и прочие (“прогрессистка” Любовь Жак на одном из писательских собраний истерически орала, что Лобанову надо дать в руки кайло и тачку, чтобы раз и навсегда забыл, как писать подобные статьи. — С. К.). Чалмаев врал и отбивался остервенело, в его лице было фанатическое напряжение идущего на всё игрока. Сергованцев, Ланщиков, Петелин явились в красных рубашках. Ланщ/иков/ гов/орил/: “Да, мы особое течение, и среди споров за и против Ст/алина/ мы занимаем особую позицию — мы за народ, за национ/альные/ корни”. Чал/маев/ гов/орил/, как настоящий ташкентец: если бы не Скобелев, неизвестно, не были бы англичане сегодня у Каспия. “Тевтоны” и “славяне”, “высшие нац/иональные/ и госуд/арственные/ интересы” — и тут же, конечно, ссылка на события в Чехословакии.

Но либералы наши — тоже хороши, речи трусливые, укоры осторожные. “В деятельнос/ти/ Ст/алина/ были, как известно, и положительные, и отриц/ательные/ моменты...”...

Какой-либо объективный взгляд на историю у Лакшина здесь отсутствовал напрочь. Вдуматься в аргументы противной стороны он даже не желал, напротив, с мстительным тщанием давал в дневнике своё видение происходящего:

“Думал о “неославянах”: в этом много позы, пустоты, паразитства на заметной идее. Дело “октябристов” проиграно, они никакой популярностью не пользуются и сходят со сцены. Но, распадаясь, это зловонное течение образовало группу, уцепившуюся за “Русь” и имеющую в нынешней обстановке больше шансов на успех. Идеальный вакуум, образовавшийся с возвелич/ением/, а потом развенчанием Стал/ина/, должен быть заполнен.

Офиц/иальные/ догмы обветшали и осыпаются, как труха. Вот тут и выплывает тень “единой неделимой”, соответствующей тенденциям к изоляционизму, кот/орые/ идут сверху. “Чалмальчики” могут иметь известный успех, потому что “русизм” более привлекателен, чем казёнщина.

А вместе с тем, и казёнщина готова с ним мириться: народность-то официальная и никому не вредит”.

Злоба и раздражение, как известно, дурные советчики. И припадки этих состояний явно ощутимы в лакшинских записях.

Он и вспоминать не желал, как первыми на “молодогвардейцев” с ожесточённостью шавок, почуявших свежую кровь, накнулись именно “октябристы” (“Новый мир” поспел здесь, фактически, к “шапочному разбору”). Ни видеть, ни понимать не хотел, что “казёнщина” распрекрасно уживалась с “новомирским” интернационализмом — и дула здесь с ним в одну дуду (включая редакцию журнала “Наука и религия”, которая била прямой наводкой по “Молодой гвардии” с особой ожесточённостью, предъявляя обвинения сугубо политические, в частности, в статьях “От анафемы к признанию”, “О национальной гордости и православных святцах”). Что вся статья Дементьева (этого Лакшин не мог не сознать, но это осознание прятал даже от

себя в дальний карман) пропитана “официальными догмами”, как ромовая баба ароматической начинкой... И совершенно не случайно она чрезвычайно понравилась Вячеславу Молотову, о чём сообщил Лакшину беседовавший с Молотовым Расул Гамзатов.

И фактическое разногласие Лакшина с Солженицыным началось именно в эти дни, когда Александр Исаевич появился в стенах “Нового мира” и прямо заявил о несогласии со статьёй Дементьева.

— Мы отстаиваем ленинизм, — заявил тогда Твардовский... — Чистый марксизм-ленинизм — очень опасное учение, его не допускают... Пока — мы на нём сидим.

Было бы точнее сказать “лежим”, потому что ничего, кроме начётнически подобранных цитат, ни Дементьев, ни прочие новомировские “марксисты” предъявить не могли.

Они сделали вид, что в “письме одиннадцати” нет критики самого Чалмаева, чьи статьи “страдают серьёзными недостатками... содержат грубые фактические и методологические ошибки, неточность ряда формулировок, уязвимые места в системе доказательств”... Это было бы ещё полбеды. Они сделали всё, чтобы не заметить совершенно поразительного места в этом письме, места, так “характерного” для “официальной народности”, “казёнщины” и “догматизма”:

“И если заслуживают критики непродуманные ссылки В. Чалмаева на К. Леонтьева и В. Розанова, то совершенно беспочвенны предъявляемые автору обвинения в проповеди русского мессианства, исключительности, избранничества какой-то одной нации. В статье “Неизбежность”... утверждается ленинская мысль о том, что **лозунгу буржуазной интеграции наций, нивелировки их мы должны противопоставить лозунг сближения социалистических наций через расцвет лучших космополитических модернистских форм искусства и духовной жизни** (выделено мной. — С. К.)”... Далее следовала соответствующая случаю цитата из письма Ленина Шаумяну 1913 года.

Виктор Чалмаев, думаю, долго крутил головой, видя, как в “Огоньке” проинтерпретировали смысл его сочинения. <...> Здесь полемика между “Огоньком” и “Новым миром” могла получить дополнительный импульс, но сотрудники Твардовского были в этом совершенно не заинтересованы: “Статья А. Дементьева в “Новом мире”, опираясь на известные положения Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре, о национальной гордости великороссов и вреде всякой национальной исключительности, лишь более подробно аргументировала опасность реакционных, националистических, неославянофильских тенденций, проявившихся помимо статьи В. Чалмаева, и в ряде других выступлений “Молодой гвардии”...” Эти “положения Ленина о двух культурах” станут потом самой надёжной дубинкой в руках Суровцева и ему подобных, которой можно будет безнаказанно гвоздить по головам неугодных.

“Впечатление такое, что волна схлынула... Вся эта шумиха сделала только то, что сейчас же Тв/ардовского/ снять стало совсем невозможно, во всяком случае, в ближайшие недели... Рассказывают, что в “Правде” на редколлегии были резкие протесты по пов/оду/ “Огонька”, Зим/янин/ звонил Сусл/ову/, и тот высказался в том духе, что надо это дело пригасить... Алёша (А. И. Кондратович. — С. К.) с утра был на совещ/ании/ в ЦК. А. Н. Яковлев сделал сообщ/ение/ о “неприятной дискуссии”. Статью Дем/ентьева/ ругал как чересчур расширительно толкующую выступл/ение/ “Мол/одой/ гвардии”, а также “непрофессиональную”. Однако — “обе стороны виноваты” и надо прекратить полемику... Шел/епин/...вдруг стал хвалить журнал: “Не понимаю, что они нашли в ст/атье/ Дементьева. Правильн/ая/ статья”... Как смешно, что нас так бояться!”

Эти записи из дневника Лакшина лучше и точнее всяких прочих доказательств говорят о том, что никакого, по сути, вреда “письмо одиннадцати” “Новому миру” не принесло. Более того, иные писатели вооружали партийный актив нешуточными “аргументами” в поддержку “лучшего литературного журнала”.

“У Тяж/ельникова/ Расул, если верить ему, произнёс горячую речь — о восхвалении Скобелева, Ермолова — в “Мол/одой/ гв/ардии/”, о том, что журнал печатает только посредственных литераторов, а целью своей ставит разрушение дружбы народов.

Вообще — этот мотив — национальный в отношении к народам СССР неожиданно вышел в полемику на 1-й план и приобрёл опасную остроту, даже Кербабаев и Мирзо (Турсун-заде. — С. К.) написали под влиянием Расула какие-то письма.

Тяж/ельников/ обещал, что вопрос о “Молод/ой/ гв/ардии/” встанет на бюро...

Под вечер подъехали к А/лександр/у Т/рифоновичу/. Он рассказ/ал/ о визите Воронкова. Вопрос об уходе не поднимался ни в какой форме — как будто ничего и не было. Вор/онков/ рассказывал о волнениях в республиках — в Азерб/айджане/, Грузии и особенно в Ташкенте, где было применено оружие. В этом смысле полемика вокруг Дем/ентьева/ приобретает особый смысл...”

Смысл этот понятен: якобы зловерные “русисты”, вспомнившие о своём историческом прошлом и своём культурном наследии, “разрушают дружбу народов” и провоцируют окраины... Песня, знакомая до боли, но интересно следующее: двадцать лет спустя после описанных событий десятки журналов и газет слились в одном панически-зловном хоре, клявшем ещё живых подписантов “письма одиннадцати” и обвинявших их в “разгроме “Нового мира” и “смерти Твардовского”. И Лакшин, прекрасно знавший всю подоплёку событий, в том числе и то, что партийные аппаратчики, якобы покровительствовавшие “Молодой гвардии”, вроде Тяжелыникова и Шелепина, пальцем о палец не ударили, чтобы помочь травимому комсомольскому изданию, — пел в этом “хоре” одну из заглавных “партий”. А его дневники, где эмоциональные оценки происходящего перемежаются описания реальных событий, были опубликованы лишь тогда, когда тиражи журналов рухнули, и когда люди, выжившие после людоедских “реформ”, практически перестали интересоваться литературой и тем более её недавней историей.

Тогда же, через 20 лет, дочь Александра Дементьева Ирина в “открытом письме Анатолию Иванову, главному редактору журнала “Молодая гвардия”, опубликованном в “Юности”, задала вопрос с “подковырочкой”: “. . . У “Молодой гвардии” была тогда своя обойма прозаиков, с гордостью представленная в “письме одиннадцати: М. Барышев, В. Битюков, Ю. Иванов, С. Высоцкий. . . Двадцать лет прошло. Кто они, Анатолий Степанович?”

Анатолий Иванов, к сожалению, уклонился тогда от ответа на этот вопрос. А мог бы ответить: “Наталья Давыдова, Алексей Кожевников, Морис Симашко, А. Глебов, И. Исаков, М. Коршунов, Владимир Фоменко (его роман Твардовский растянул аж на три номера), Михаил Шитов, Вадим Емельянов... Кто они такие, Ирина Александровна, эти писатели, входившие в обойму “новомировской” прозы? Не тех вспоминаем? А что же Вы сами аккуратноенько опустили в своём перечне имена Виктора Курочкина, Дмитрия Балашова, Ивана Ефремова и его роман “Час быка”?. . .” Роман, на который, к своему несчастью, обратили внимание властей предрежащих авторы “письма одиннадцати” и который стал предметом начальственной переписки, после чего вопрос о снятии Анатолия Никонова с поста главного редактора был фактически решён.

Это Твардовского приглашали, а потом буквально заталкивали на место секретаря Союза писателей СССР с полным сохранением зарплаты и одним присутственным днём в неделю (то, что он отказался от этого предложения — было его заботой). Никонова вышвыривали, как говорится, на улицу — без выходного пособия. И в том, что вся эта история закончилась для него сравнительно благополучно — целиком и полностью заслуга его работников и товарищей. . .

. . . В отличие от Михаила Лобанова, Виктора Чалмаева, Виктора Петелина, Петра Глинкина, Юрия Иванова Кожинев не был постоянным автором “Молодой гвардии”. Точнее сказать, он лишь дважды напечатался в этом журнале в самые горячие для издания дни — в конце 1969 года (более на этих страницах не появилось ни одной его работы): он опубликовал статью “Два пласта” (о поэзии Николая Тряпкина) и “Трижды великая” в подборке материалов, посвящённых столетию выхода в свет романа Льва Николаевича Толстого “Война и мир”.

Думается, стоит привести самое ключевое место этой статьи — из неё, как из зерна, вырастет через десятилетия полновесный спелый колос историографических трудов тогда ещё молодого литературоведа, уже прозревавшего своё подлинное назначение: русская история через призму русского слова.

“...Толстой, стремившийся выразить в “Войне и мире” “мысль народную”, оставил в центр эпопеи образ, наиболее полно, ярко и глубоко воплощающий истинную суть народа, которая живёт не в абстрактных категориях и отношениях, а самих людях. Наташа — это **прекрасное** воплощение народной стихии, которой она заражает и Андрея, и Пьера, и своих братьев... И вот этот народ сталкивается с грандиозной военной машиной, созданной Наполеоном.

Трижды за тысячелетие повторялась эта ситуация. Армия Чингисхана и его преемников, армия Наполеона, армия Гитлера приходили на русскую землю. Это были **самые мощные и совершенные** за всю историю военные машины, специально созданные для становления господства над всем миром. И эти ни с чем не сравнимые армады, победно шедшие по земле, были остановлены и разгромлены в России...

К тому времени, когда монгольская орда пришла на Русь, она поработила большую часть Азии, вобрала в себя и оформила всю энергию, чтобы завоевать Европу. На пути лежала не имевшая, в сущности, настоящей армии Русь. И она остановила нашествие. Строго говоря, она не дала даже завоевать себя, ибо за время ига лишь платила дань и непрерывно восставала против этой дани.

Наполеон сначала поглотил и оформил энергию всей Европы, а затем двинулся через русскую землю завоевывать Азию. Но мы не пропустили его на восток и, разгромив его невиданную армаду, спасли от подавления и уничтожения жизнь и культуру всех европейских наций — ведь именно этим угрожало длительное господство бонапартизма в Европе. Я уже не говорю о нашем недавнем величайшем испытании, которое у всех на памяти.

Размышляя над этими тремя ни с чем в истории не сравнимыми событиями, можно понять, почему именно и только у нас смогла появиться **народная эпопея**, созданная Толстым...

Именно Толстой в “Войне и мире” глубже, чем кто-либо, раскрыл суть дела. В Европе Наполеон воевал с армиями, которые он с лёгкостью разбивал; в России он был вынужден воевать с народом, противостоять тем его чертам, которые с такой покоряющей красотой воплощены в образе Наташи Ростовской...

Конечно, догматики и либералы, трогательно объединившиеся в данном случае, могли и здесь закричать о “национальной кичливости”, об “идее национальной исключительности и превосходства русской нации над всеми другими” — но тут оставалось лишь прикусить язык. Тем более что Кожинов, памятуя недавние исторические дискуссии (в частности, дискуссию о книге Александра Некрича “22 июня 1941 года”, где автор объяснял поражения наших войск в начале Великой Отечественной исключительно “репрессиями 1937-го” и подвергся за это совершенно неадекватному наказанию в виде исключения из партии), завершил разговор именно о недавнем прошлом, как бы негласно возвращая Дементьеву его иронический пассаж о “некоторых критиках и поэтах”, которые “захотели помочь... воссоединению... якобы разорванной золотой нити патриотической линии в литературе и искусстве”... Вадим Валерианович лишь подчеркнул, что в реальной истории эта “золотая нить” никогда по сути не рвалась.

“В литературе последнего времени неоднократно делались попытки объяснить обстановку первого года войны. При этом словно забывается, что нам противостояла военная машина, в которую была вложена энергия всей Германии и ресурсы целой Европы.

То чудо, которое началось на клочке приволжской земли, невозможно объяснить различными чисто военными факторами.

Война 1941–1945 годов была деянием народа в его цельности. И чтобы воссоздать её в искусстве, необходимы образы толстовского размаха и глубины, хотя, конечно, совсем иные, вобравшие в себя опыт столетия, прошедшего со времени завершения “Войны и мира”.

...Через некоторое время, когда Анатолий Никонов был уже снят со своего поста, в редакцию “Молодой гвардии” пришло гневное сочинение, написанное ректором Ростовского университета Юрием Ждановым (сыном Андрея Андреевича Жданова), отвергнутое до этого “Правдой” и “Литературной газетой” (очевидно, уровень этого творения был ещё ниже суровцовского и дементьевского, да, похоже, идеологи отечественного агитпропа решили “прикрыть” все дискуссии на этот счёт). Михаил Лобанов, читавший сей текст,

потом вспоминал: “Из прочитанного мною тогда осталось в памяти, что автор статьи... громил славянофилов, меня обвинил в том, что я в своих статьях “воскрешаю” русских религиозных пророков (что-то вроде: “Хватит с нас пророков-идеалистов, наше мировоззрение научно-рационалистическое”), обличал меня в бесклассовой оценке “Войны и мира”... Моя вина была в том, что я в своём выступлении за “круглым столом” в “Молодой гвардии”, в статье в старом “Огоньке” говорил об идее патриотической сплочённости народа в этом романе при наполеоновском нашествии, не проявляя надлежащей бдительности к классовой ненависти крестьян к своим помещикам... Любопытно, что вскоре же после такого смелого гражданского поступка Ю. Жданов был избран в члены-корреспонденты Академии наук СССР”.

* * *

Это было время напряжённых размышлений о воскрешаемом отечественном наследии после хрущёвских бульдозеров, стиравших это наследие с лица земли. Совсем молодые тогда авторы “Молодой гвардии” и “Вопросов литературы” (журнала, “академически” подходившего к новым вызовам времени) своей культурологической работой оказывали (и сами не могли этого не осознавать) реальное влияние на идеологию государства, которое не было в состоянии как игнорировать происходящее, так и ответить репрессивными мерами... В своём кругу эти напряжённые размышления выходили за грань истории, касаясь самого жгучего и насущного в сегодняшнем дне. Характерны в этом отношении дневниковые записи Сергея Семанова, к которым мы ещё не единожды будем обращаться:

“...Из Р.: социализм, существующий сегодня в Совдепии, это обрусевший Маркс. Тут следует подумать, прежде чем полностью отбросить его. Деловитость и практицизм, превращенные в жизненный закон; ритм повседневности, когда человек ежедневно и ежечасно держит экзамен, рискуя не сдать его; этот напряжённый и однообразный ритм огромного и беспощадного конвейера чужд русскому мироощущению. В требованиях рабочих в 1905 <году> постоянно присутствовал пункт о разрешении опозданий — и это национальное, а не социальное. Американец, да и европеец, очевидно, просто не в состоянии вообразить, как это можно на работе напиться пьяным, а русскому трудно даже понять этот их мистический ужас. Да, мы, русские, плохие работники, мы воистину работаем не тяжем, а рывом, но есть в нас всё же нечто такое, что позволило нам раскинуться на полсвета и подковать блоху. И это целиком за счёт души: у нас духовная выносливость и духовная сила, а не мускульная, как у негров, например. Введение на нашей почве механизированного европейского конвейера убьёт самое ценное, что есть в России, — русскую душу.

... Ей-богу, хочется написать похвальное слово сов[етской] власти! В самом деле. За последние 19–15 лет несом[ненно] улучшился (в общем) уровень жизни материальный, значительно рассосался жилищный голод, принят весьма благоприятный для населения пенсионный закон, соблюдается строжайшая законность, свободы — сколько хочешь, только парламента, слава Богу, у нас нет да демонстраций. Говорят, напряжённый бюджет, но где он хороший?! В Штатах вон какой долг. Говорят, наше планирование неповоротливо и пр. Верно, однако у нас действительно нет неуверенности в завтрашнем дне, что характерно для Запада. Оказывается, и мир без войн, мир без оружия ещё рано прокламировать. Значит, ракеты и бомбы нам пригодятся.

... Расклад политич[еских] сил в стране сейчас такой: слева — неомарксисты-ленинцы, программа — “назад, к Бланку и Луначар[скому]”. Очень активны, имеют подполье, влияние кое-какое есть, но оно вряд ли будет расти. Затем — либеральные демократы парламентского образца, типа “пражских реформаторов”; очень влиятельны, в подполье не залезают (самиздат не в счёт), имеют преобладающий авторитет в интеллигенции и влияние на молодёжь, включая и городских работяг. Влияние будет расти, по-видимому, в их недрах рождаются серьёзные политич[еские] организации. В обеих группах евреи играют главную роль. Третья — славянофилы (термин не точный, но принятый, так сказать, вовне), правильнее — националисты, или консервативные националисты (или не бывает революционных националистов?). Тут единой программы

нет, сегодня преобладает мнение не “за”, а “против”. Т. е. против либералов, жидов, революций, влияний Запада и пр. Влияние пока слабое, начали складываться позже других, но быстро растут. Евреев практич[ески] нет. Вторая и третья группа оказывают идейное давление на власть. Чешский эпизод как будто бы должен заставлять прислушиваться не к либералам, на ту же мельницу льют и китайские провокации. Быть может, я принимаю желаемое за действительное, но мне кажется, что националисты должны более влиять на власть. Но здесь нет единства, нет развитых программ. Очень важен был бы переворот – любой, военный или гражданский, тогда сильный вождь сможет начать рисовать план преобразований на чистом листе. . .”

Кстати сказать, ещё в 1966 году секретарь ЦК КПСС, будущий министр культуры СССР Демичев в своём выступлении на Политбюро специально отметил, что “у нас после XX съезда образовались три группы среди интеллигенции”.

Здесь необходимо существенное пояснение. Кожин к этому времени оторнул всякие “против”, настроившись на борьбу “за”. За целостность отечественной истории. За воскрешение забытых имён отечественной литературы и философии. За актуализацию в их творческом наследии самого существенного, необходимого для современной жизни. И, естественно, он не предполагал никакого насильственного переворота и никаких преобразований “с чистого листа”.

А Семанов, вспоминая о своей “смене вех”, настраивал себя в соответствующем ключе.

“... Я уже лет 10 жду, когда падет сов[етская] власть, чтобы потом-то уж... Я только сейчас понял, что мой уход в сочинительство был бегством от активной деятельности (впрочем, раньше я думал об этом). Итак, раз ждать падения власти отныне не входит в мою программу, то ясно, что надо “делать дело”. С опозданием, но всё же время я не терял. Кое-что узнал и кое-что понял”.

Это “понимание” потом изменится не один раз. . .

“18/V. Нет, мы Ленина жидам не отдадим! Он – наше национальное достояние, как Александровский столп или разбойничьи старые песни. И ещё: евреи только думали, что они правят Россией в 1917–<19>37 гг. На самом деле именно они-то и служили приказчиками русского дела, полагая, что делают это для себя. Когда они с помощью мощной своей еврейской организации стали нести бациллы разложения из России на экспорт, они тем самым укрепляли русскую государственность.”

22/V. С большой пользой для себя изучал я материалы для главы о рабочих в гражд[анской] войне. Картина вот такая. Ситуация Шариков – Швондер (как раз в это время по рукам ходили перепечатки “Собачьего сердца” Булгакова. – С. К.) в русской революции выглядит как эпизод из приключений Синдбада-морехода, когда какой-то бедный старичок попросил его перенести через ручей, а потом ездил на нём, на его шее. Швондер сказал Шарикову: понеси меня, я укажу тебе дорогу в социалистич[еский] рай. И оседлал Шарикова, и бедный Шариков таскал его по топям и кручам, худел и обдирал тело. Пролетарии, точно, поддерживали Бронштейна и К°, но исключительно ради их целей. И были замордованы в гражданской войне, не приобретя ничего взамен.

А всё-таки сменовеховцы навели меня на верную мысль: не евреи правили русским государством, им (и другим) это только казалось. Русское государство заставило жидов служить своим целям. И если теперь, через полвека прикинуть, выиграло ли русское еврейство от революции (несмотря на двадцать лет полного господства), то ответ, пожалуй, такой: нет, проиграло! При эволюционном течении событий они бы приобрели в России, может быть, и больше. Ибо они очень усилились в конце прошлого – в начале нынешнего века. А в итоге сталинской контрреволюции они очень много потеряли даже из того, что имели до революции.

Сейчас разрабатываю мысль о том, что нельзя швыряться национальными ценностями. Вот, например, Маяковский. Сволочь, сифилитик и т. п. Но: огромное влияние на нашу культуру, на мировую. Так что же? Вышвырнуть его? Но не прошвыряемся ли мы так сгоряча? Не довольны ли? То, что отложилось в прошлом, это как осадочные породы на дне океана, равно падают скелеты хищников и их жертв, все прессуется и складывается в единый пласт. Так что же – начнём выковыривать из этих пластов то, что нам не нравится? Достоевский справедливо презирал Тургенева, но (пусть не равны они) теперь их

проходят в школе в одной и той же четверти. Так Маяковского, Булгакова, Есенина, Платонова и иных будут изучать вместе, ибо все они — наша русская культура периода Великого перевала”.

Справедливая и точная мысль, далеко не каждому в то время доступная. Ибо как раз в те дни литературная Москва захлёбывалась в приступах то злорадства, то возмущения, читая в “Огоньке” статьи “Любовь поэта” и “Трагедия поэта”.

Это был скандал № 2 после предыдущего, разразившегося в 1958 году, когда в томе “Литературного наследства” были опубликованы письма Маяковского к Лиле Брик, в которых “великий пролетарский поэт”, только что удостоившийся памятника на одной из центральных площадей Москвы, предстал в виде хлюпика и подкаблучника.

Подобное “обращение” с классиком советской поэзии привело в ярость отечественный агитпроп, в результате чего родилось постановление об изъятии сего тома из продажи и из библиотек.

Кожин в то время писал комментарии к одному из томов Маяковского, опираясь в том числе на воспоминания Лили Брик. Думается, что публикация писем Маяковского к своей интимной подруге произвела на него соответствующее впечатление, а окончательный образ этой легендарной женщины сформировался у него (и, думается, не только у него) при чтении “огоньковских” материалов и воспоминаний Елизаветы Лавинской, опубликованных в 1968 году в сборнике “Маяковский в воспоминаниях родных и друзей” (все эти публикации были встречены истеричным воем либеральной публики). К этому времени он уже успел порядком охладеть к некогда любимому поэту, а описание его окружения многое и многое проясняло для него в том времени.

Но вернёмся к дневникам Семанова. Сергей Николаевич (как и его друзья) углубляется в труды предреволюционных философов, вычитывая и актуализируя в них своё.

К слову: уже упоминавшийся выпускник философского факультета МГУ Александр Ципко, близкий в 1960-е кругу молодых русских патриотов, которого Валерий Ганичев даже приглашал в “Молодую гвардию” заместителем главного редактора, через десятилетия писал о своих бывших добрых знакомых не иначе, как с плохо скрываемой ненавистью, уверяя, что для них “жизнь человеческая мало что стоила”, что в их любви к русскому народу было “что-то садистское, скопцовское”, что они “были антизападниками, прежде всего, как противники свободы человека, противники свободного выбора, противники ценности человеческой жизни”... В общем, повторил, по сути, всё то, что говорилось и писалось о них как марксистско-ленинскими догматиками, так и “подпольными философами”... Но самое интересное (здесь память у нашего философа явно отшибло), что их русскость была фальшива “без наследства русской религиозной мысли”, “без знания спора Николая Бердяева и Василия Розанова о сущности Бога и религиозного чувства”, о котором они якобы понятия не имели.

Какжется, не следует лишний раз опровергать подобную чушь. Книги Розанова стали любимым чтением Кожинова и Палиевского ещё в начале 1960-х, и, как вспоминал Дмитрий Урнов, “в Отделе теории, где числились мы с Вадимом, все разом стали читать мало кем известного В. Розанова и увлеклись им до того, что на заседаниях называли его запросто, будто своего человека, по имени-отчеству: “Как сказал Василий Васильевич... Указал Василий Васильевич... Отметил Василий Васильевич”. Аспирант из новеньких решил, что это какое-то начальство. Иван Васильевич Анисимов — в ту пору директор Института, а Василий Васильевич, наверное, важное лицо из Отделения языка и литературы или даже из Президиума Академии наук СССР”.

Представляю себе, как потешались друзья над подобными умозаключениями институтского неопита.

Одним из любимейших сочинений наших русских интеллектуалов, кстати сказать, было эссе Розанова “Возле русской идеи” с его знаменитым финалом: “Ничего, барин... Как-нибудь выкрутимся!”

Сергей Булгаков, Николай Бердяев и другие философы “серебряного века” в старых изданиях лежали у них на столах. Семанов вспоминал о Палиевском: “Нет сомнений, что на поколение своих современников он оказал огромное, ни с чем не сравнимое влияние. <...> Он знал три основных европейских языка, свободно объяснялся на них, что было редкостью в то время. Но главное — в ином. Он раньше всех нас прочёл труды Флоренского, С. Булгакова,

Леонтьева и в особенности – своего любимого Розанова, даже имел набор его прижизненных изданий. Ну, я-то об этих авторах до знакомства с ним даже не слышал”.

Услышав, Семанов погрузился в чтение. Дошёл до знаменитого в своё время и нещадно изруганного на протяжении последующих десятилетий сборника “Вехи” (эта книга в описываемое время, кстати, была любимой книгой Солженицына). И любопытные, надо сказать, соображения записывал в своём дневнике в 1969 году:

“Перечитываю “Вехи”. Это зеркало, которое они поставили перед физиономией российского либерального интеллигента, и он отразился в нём во всём своём неприглядном виде, с прыщами и угрями. Чего и говорить, рожа крайне несимпатичная. Но зеркало – не солнце, оно не согревает, под его лучами на ниве не взойдут новые побеги, новая жизнь. А вот позитивного идеала – тепла, света – они и не дали. Ну, разве можно почитать программой их жалкие рекомендации о самосовершенствовании, о необх[одимости] искать истину и даже – главное, кажется, у них, – что истина выше общественной пользы? Всё это – выси духа, а не фонарь в тёмном политическом лесу. Дав широковещательные обещания, они обманули читателя. И ещё. Мысль, выраженная очень остро Гершензоном (благословляю штыки и т. д.), глубоко антинародна (Гершензон в своей статье благословлял власть за то, что она защищает интеллигенцию штыками “от ярости народной”. – С. К.). Но нельзя отрывать от почвы – народа, нельзя презирать его – точно так же, как и обоготворять. И сегодня – Р. это хорошо выразил в своей статье – “т[овари]щи” хотят на этом нас и изловить: да разве это быдло нас понимает, да мы с вами, с Эйнштейном и Эренбургом, мы, цивилизованные люди... Всякая власть от Бога, и она должна быть сильной, тогда народ будет любить её, и тогда родятся Пушкины и Лобачевские и будет разбит Наполеон, а декабристы поедут в Сибирь.

Да, кстати: все “Вехи”, конечно, умещаются в жилетный карман Достоевского”.

Статья Петра Палиевского, о которой пишет Семанов, была опубликована в сборнике “Искусство нравственное и безнравственное”, вышедшем в том же 1969 году, и называлась “К понятию гения”. Впечатление она тогда произвела ошеломительное, да и в наше время утраты каких бы то ни было критериев и всякой иерархии ценностей её, думается, стоит включать в факультативные курсы по литературе как в школах, так и в высших учебных заведениях.

Палиевский писал о таком явлении, как “гений без гения, но обладающий всеми признаками гениальности и умеющий заставить считать себя гением”, о том, что “этот тип пришёл к нам из столь часто поминаемых теперь 20-х годов”.

“Он требовал ответить всего лишь на один вопрос: гениально ли то, что он делает, а если нет и есть сомнения, пусть ему их изложат и скажут, почему... Пока собравшиеся соображали и, наконец, спохватывались, что не этот бы вопрос подобало ставить художнику, а совсем другой, именно: можно ли найти в нём новую и просветляющую правду? – пока длилось их смущённое недоумение, было уже, как правило, поздно. Гений успевал организовать несколько скандалов и раскаться... и имя его быстро обрастало слухами о мучительной сложности и о трагических противоречиях души. Против этого не было тогда найдено – да и до сих пор не существует – достаточного противоядия...”

Каждая из стрел, которую Палиевский доставал из своего колчана, была в цель – неотразимо и беспощадно.

“Гений”, о котором писал Палиевский, в самом натуральном виде предстал в образе Велимира Хлебникова (в портретном абрисе Бунина – цитировались его мемуары, с большим трудом и с большими купюрами благодаря Олегу Михайлову напечатанные в собрании бунинских сочинений). Палиевский проецирует поведение “Председателя Земного Шара” на поведение многих “гениев” последующих десятилетий, не сдерживая ядовитого сарказма:

“Что гений обязан косить умом, кажется, ни у кого уже сомнений не вызывает, так прочно это с той поры распространилось: в каких только романах не расхаживал этот одинокий чудак, которого мерзкие мещане всё норовят упечь в сумасшедший дом, а он только тихо и беспомощно улыбается... При этом ничуть как будто и не предполагается, что эта сумасшедшинка может иметь другую, куда более интересную струну: стойкое и целенаправленное использование или, вернее, исполнение беспомощности – в уверенности, что ей рано или поздно будут, как зачарованные, помогать, иначе – серьёзную и смело

рассчитанную игру, в которой можно и проиграть, если попадешь на достаточно трезвых людей, но можно и выиграть всё, добравшись до какого-нибудь центра массовой информации, — и тогда уже не выпускать его, пропагандируя себя и себе подобных до полного зачумления.

А эта его свирепость, которую тоже настойчиво преподносили нам как ощущение великого призвания”.

Список “гениев” был невелик, но весьма презентабелен: Хлебников, Стравинский, назвавший великую музыку Н. А. Римского-Корсакова “национально-этнографической эстетикой”, Пикассо, рисовавший не портреты, а “планы лиц”, выразивший бомбардировку Герники “искромсанной дрянью, подчеркнув смятые души”. Список приёмов (приедающихся и выцветающих от времени) тоже не поражает количеством, но явно узнаваем: “хотите вы или нет, нравится вам или не нравится, но этого уже выбросить из искусства XX века нельзя” (это рассуждение Палиевский справедливо назвал “совершенно геростратовским”); приём, связанный с “открытием новых изобразительных средств” (“чем читатель или зритель должен был восхищаться вместо произведений” — подчёркивал Палиевский, ясно давая понять, что здесь-то и происходит пресловутое разъятие формы и содержания, ведущее к шизофренизации сознания); приём присоединения (“Все великие новаторы музыкальной мысли, подобные Берлиозу, Вагнеру, Мусоргскому и Шонбергу...”). При чём здесь Шонберг? А это — “признаёт весь мир”... “Попробуйте проверить, что это за “весь мир”, — иронизировал Палиевский, — мгновенно начнут обрисовываться очертания того же знакомого типа”.

“Как-то стало в последнее время яснее, что заставить говорить о себе — пусть хоть целый мир, современные средства которого это позволяют, — ещё не значит превратиться в художника, какие бы упорство и изобретательность ни были на этом пути употреблены и сколько бы “препятствий” ни было разрушено”.

Указав на всю сложность поставленной проблемы, в том числе и на мировые центры массовой информации, “раскручивающие” подобных “гениев”, Палиевский всё же не терял оптимизма: “. . . Что касается нашего искусства, тут сказывается и пробуждение традиции. Всё-таки издавна не любят у нас самозванцев. То есть покрасоваться им дают и даже будто бы поддаются, приглашая: “Покажи, что можешь”. Но уж когда показал и высказался до последнего слова, так что уже ссылаться на искажённые намерения можно лишь при полной потере памяти, тогда наступает не совсем приятный для него час, особенно хорошо описанный в летописях Смутного времени.

Интересно, что само слово это как будто не встречается в других европейских языках. Самозванец, то есть тот, кто сам себя назвал. Видно, что рано или поздно должно наступать время других названий”.

И в это же самое время. . .

В журнале “Вопросы литературы” (единственном журнале, в котором в то время постоянно печатался Кожин) была организована дискуссия, посвящённая литературной критике славянофилов. Тема, судя по всему, не просто назрела — она перезрела, она настойчиво стучалась в дверь. Дискуссии стремились придать академический характер, пригласив оппонентов различного покроя — начиная от маститого учёного-“мастодонта” С. Дмитриева, писавшего о славянофилах ещё до войны, и того же А. Дементьева — до сравнительно молодых (возраст которых, правда, подходил уже к сорока) А. Янова, Б. Егорова, В. Кожинова. . . Открывал дискуссию уже знакомый нам Александр Янов.

Позже он набрасывал иронический портрет своих оппонентов: “В. В. Кожин, будущий видный молодогвардеец и певец черносотенства, для меня был филфаковец Вадим с гитарой. В ту пору соблазнял он вовсе не националистов, а студенток, томительно напевая “Гори, гори, моя звезда!” . . . Да-да, и близкий мне Толя Иванов, и тем более Вадим Кожин были такие: будущее России без смертельного врага, угрожающего самому её существованию, представить себе не могли. Для “просвещённых националистов” то был Китай, для непросвещённых — Запад. У последних, однако, было несопоставимо больше шансов прорваться к власти, чем у их диссидентских конкурентов. . . Толю я устроил (несмотря на полное отсутствие официального статуса) в уже упоминавшуюся дискуссию о славянофильстве 1969 года в журнале “Вопросы литературы”, затянувшуюся на семь месяцев (в ней приняли участие все лучшие специалисты по русскому национализму XIX века). Вадим сам в неё устроился, и, конечно же, оба стали главными моими оппонентами. . .”

(Продолжение следует)